

Ажигова Ая Магомедовна

**УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ИНГУШЕТИИ И
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИНГУШСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА**

Статья посвящена анализу изменений традиционного общества в Ингушетии в период второй половины XIX века. Пристально рассматривается проблема установления российской системы управления в Ингушетии. Подробно анализируется введение военно-народного управления в крае и его реформирование в последующем. Делается вывод о том, что формирование системы управления в Ингушетии шло в русле общероссийского политического курса с учетом местной специфики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/1.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу изменений традиционного общества в Ингушетии в период второй половины XIX века. Пристально рассматривается проблема установления российской системы управления в Ингушетии. Подробно анализируется введение военно-народного управления в крае и его реформирование в последующем. Делается вывод о том, что формирование системы управления в Ингушетии шло в русле общероссийского политического курса с учетом местной специфики.

Ключевые слова и фразы: Ингушетия; переселение; округа; участки; казачество; администрация; военно-народное управление.

Ажигова Ая Магомедовна

*Ингушский государственный университет
tmt_77@list.ru*

**УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ИНГУШЕТИИ
И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИНГУШСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[©]**

Ингуши составляли самую западную группу вайнахской этнической общности. В конце XVII – начале XVIII века развивается выселение ингушей из горной зоны на плоскость. Ингуши, в частности, заселили предгорные местности и бассейн реки Камбилеевка. В 30-60-е гг. XVIII века ареалом расселения ингушей стали земли междуречья Терека и верхнего течения Сунжи. В конце XVIII – начале XIX века активно развивался процесс переселения ингушей в окрестности современной Назрани.

В итоге территория расселения ингушей к 20-м гг. XIX века включала горные и предгорные территории по течению рек Армхи, Камбилеевка, Сунжа (с притоками Герг, Назрань, Эндерипс) и Асса. Данный ареал этнического расселения, не будучи устойчивым, складывался в ходе неоднократных миграций населения в XVII-XIX веках. Совокупная численность ингушей насчитывала в 1816 г. 17800 человек [5, с. 668].

«Описание народов Владикавказского округа по обществам в начале 50-х гг. XIX в.» указывает пять ингушских обществ – карабулаки, джерахи, галгаевцы, кистинцы, ингуши. Общества расселялись на территории 175 поселений. В этих поселениях насчитывалось 3562 двора, население их насчитывало 19891 человек [8, с. 38].

Упомянулось, что клятву на верность российскому престолу ингуши дали в 1810 г., а кистинцы, джерахи, галгаевцы – в 1830 и 1838 гг. «во время горной экспедиции <...> для наказания сих народов за их проступки и к побуждению их к спокойной жизни, и к надлежащему повиновению» [Там же, с. 40].

В плане политической организации ингуши образовывали «вольные общества», в которых сохранялись родовые общинные устои [3, с. 25]. Значительное место в образе жизни ингушей отводилось «адамат», которые представляли собой своды обычного права.

Ислам приобрел устойчивые позиции в ингушской среде только к концу XVIII века. При этом у чеченцев и ингушей распространился суфизм. Его проводниками служили суфийские ордена-братства [7, с. 25]. Вместе с тем В. А. Потто, говоря о годах Кавказской войны, наряду с ингушами-магометанами перечисляет и ингушскоязычных [9, с. 70].

В процессе расширения русского влияния на Кавказе тогдашняя территория Ингушетии попала практически в область «фронтира» – нестабильной границы и зоны соприкосновения цивилизаций и культур Северного Кавказа и России. В наибольшей близости, по сути – во взаимодействии, оказались общества с непохожей социальной организацией, с различными традициями хозяйственного уклада, с совершенно различными парадигмами организации власти. Это заложило предпосылки для целого ряда продолжительных конфликтов. Между тем наблюдался местами и вполне мирный переход в российское подданство некоторых феодальных формаций и вольных обществ, в том числе и родовых общин Ингушетии [2, с. 74].

В целом положение «необъявленной войны» для России и Северного Кавказа продолжалось до 1864 г. [3, с. 29]. Но еще в 1859 г., когда завершились военные действия на Северо-Восточном Кавказе, командующий на Кавказе князь А. И. Барятинский выдвинул новую идею: «...не утверждение власти нашей силою оружия, а распространение между новыми подданными нашими гражданственной образованности и общественного благосостояния» [4, с. 241].

С этого момента основной движущей силой становится проблема совместного развития, т.е. инкорпорирования Северного Кавказа в общее русло модернизации единой империи. Важнейшей для государственной политики России на Северном Кавказе в этот период стала проблема соотношения системы управления в крае с процессами трансформации местных институтов [3, с. 32].

Позднее А. Дж. Тойнби указывал на опасность того воздействия, которое может быть вызвано стремлением экстраполировать институт или методы, взятые из привычной для них природной среды в социальное окружение, в котором они могут вступить в конфронтацию с плавным развитием социальных структур в ходе исторического процесса [12, с. 470].

Российская власть, персонифицированная наместниками царя на Кавказе, отдавала себе отчет в том, что самым разумным будет постоянно придерживаться правила равного по возможности отношения ко всем народностям, проживающим в регионе. Отход от такого метода государственного управления был чреват неблагоприятными последствиями [4, с. 548].

Реализовывалась концепция специальной формы управления – наместничества. Оно задумывалось как управление Кавказом непосредственно от лица монарха посредством его доверенного представителя [Там же, с. 237]. Наместник концентрировал в своих руках огромную власть на Кавказе – военную, судебную и исполнительную. Он непосредственно включался в состав Совета министров [10, с. 297].

В регионе создавалась система военно-народного управления. Ее регламентировало «Положение об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». Согласно положению, Кавказская линия упразднялась. Территория Северного Кавказа делилась на Терскую, Дагестанскую и Кубанскую области, а также на Ставропольскую губернию. Ингушетия была включена поначалу во Владикавказский (бывший Военно-Осетинский) округ. Позднее Терская область разделилась на 8 округов. Они были устроены на территориальной основе согласно преимущественному расселению тех или иных этнических групп. Одним из них стал Ингушский округ с населением 29,9 тысяч человек [13, с. 24].

Округа были разделены на участки (наибства). Те, в свою очередь, делились на аулы. Контурь этнических территорий расселения в Терской области стали результатами военных действий, вынужденных переселений, санкционированного и поощряемого властью обоснования в крае казачества, а еще раньше – миграции горных осетинских и ингушских обществ на равнинные земли. Этот процесс также в значительной мере контролировался русскими властями [Там же, с. 20].

В соответствии с системой военно-народного управления, коренное население жило не по общим для всей Российской империи законам, а по народным обычаям и специальным постановлениям. Отправление юстиции находилось в руках местных «народных судов», которые судили по адату, либо по шариату, либо «по особым постановлениям». Эти постановления накладывали запрет на кровную месть и некоторые другие обычаи, наиболее кричаще расходящиеся с общероссийской практикой. При конфликте вердиктов, вынесенных по шариату или адату, с «общим духом» российских законов последние имели приоритет. В случае проявлений неLOYALности со стороны населения любой административный начальник обладал правом немедленно использовать насильственные методы.

Подобная система военно-народного управления уживалась в Терской области с военным управлением для казаков и гражданским управлением для городского населения.

Наряду с этим отмечались попытки приблизить управление на местах в туземных обществах к формам мирского управления российской глубинки. К примеру, были введены сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ, занимавшийся вопросами хозяйственной жизни [1, с. 173].

Согласно общей парадигме реформ 60-70-х гг. XIX века в 1869 г. принимается «Положение о Кубанской и Терской областях». Оно включало все население – горское, казачье и гражданское – без национальных различий в общие административно-территориальные единицы. При этом указывалось на необходимые согласно условиям края изъятия для горцев [6, с. 212].

В 1871 г. в Терской области создаются 7 округов. Ингуши в ходе этой реформы передаются во Владикавказский округ. Туда же включены и осетины с казаками. Общее количество населения округа составило 137,1 тыс. [13, с. 28]. В 1872 г. мусульманская часть горцев Кубанской и Терской областей были изъяты из ведения гражданских властей и переведены под власть военной администрации, которая подчинялась Военному министерству [10, с. 286].

В 1880-е годы в условиях «контрреформ» возобладал курс на упразднение особого статуса окраинных территорий [4, с. 246]. Как результат, в 1881 г. было ликвидировано наместничество. Теперь регионом управлял главноначальствующий с полномочиями, во многом повторяющими должность генерал-губернатора.

Очередное положение об управлении Кавказом, теперь уже ставившее его в зависимость от отраслевых министерств [Там же, с. 247], принимается в 1883 г. Тогда же гражданские округа Терской области были разбиты на горские округа, включавшие в основном горское население, и отделы, где преимущественно концентрировалось казачество. Но в этой практике встречались отдельные исключения. В 1883 г. Малая Кабарда и Ингушетия входят в Сунженский казачий отдел, придав этому стратегическому казачьему району большую территориальную связность и обеспечив ему прямой доступ к Закавказью [13, с. 30].

По мере развития «контрреформ» к концу 1880-х гг. управление вновь совершило поворот к этническому, или военно-народному, варианту. До 1894 г. практиковалась круговая порука («правила Дондукова-Корсакова»). Согласно этим правилам, те горские общества, на территории которых отмечались воровства, грабежи или иные преступления такого рода или в пределы которых «доведены следы злоумышленников или угнанного скота», обязывались либо выдать главных своих преступников-сородичей, либо взять на себя полную компенсацию ущерба потерпевших. Об эффективности таких мер свидетельствует тот факт, что, «хотя за время существования этих правил выдачи преступников почти не производилось, зато скот почти всегда возвращался в целостности...» [11, с. 69].

Отличительной чертой этого периода было то, что административные и этнические границы почти полностью совпадали. По мнению некоторых авторов, именно тогда были очерчены этнополитические контуры, ныне наблюдаемые в регионе [14, с. 9]. А. Х. Боров считает, что «северокавказские общества оказались слишком

архаичными для восприятия собственно либеральных реформ, поэтому правительство пожертвовало либеральным содержанием реформ ради достижения своего рода цивилизационного компромисса» [3, с. 44].

Проживающие по соседству с ингушами казаки по-своему трактовали терпимость власти к местному населению и поиски компромисса: «Эти симпатии к чужим, более чем к своим, составляют характерную особенность русской государственной власти вообще и известны нам, живущим среди целой семьи нерусских, более чем кому бы то ни было...» [11, с. 47].

Своеобразным итогом управления было отношение народов Северного Кавказа к революции 1905-1907 гг. Жандармский офицер Б. Н. Полозов писал: «Чечня, Ингушетия, Кабарда, Дагестан и остальные мусульманские области оказались чужды политическим требованиям русских революционных партий. Они на деле доказали свою преданность Белому Царю и верность России, охотно вступая в ряды формировавшейся тогда в центральных губерниях конной стражи из добровольцев» [цит. по: 10, с. 285]. При этом, однако, не упоминалось, что вербовке в стражники способствовали тяжелые условия существования основной массы горцев (а за службу платили неплохие по тем временам деньги). Тем не менее, с началом революции в 1905 г. было восстановлено Кавказское наместничество с центром в Тифлисе. Наместником стал И. И. Воронцов-Дашков.

В том же году Ингушетия была выделена из Сунженского отдела и стала самостоятельным Назрановским округом. «Однако значительная часть ингушских и чеченских поселений размещается на арендуемых казачьих землях, вне пределов своих округов» [13, с. 46]. С этого момента внутреннее административное деление Терской области оставалось неизменным.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на территории Терской области и в Ингушетии в частности был проведен ряд управленческих реформ, которые отражали изменения в подходах со стороны российской администрации к управлению страной вообще и края в частности. При этом характер и направленность этих преобразований имели прямую взаимосвязь с переменами, происходившими в стране, и теми реформами и контрреформами, которые в ней проводились. В то же время постоянно приходилось учитывать и местную специфику, понуждавшую власти действовать на Кавказе, зачастую используя более гибкие методы, чем в других районах России.

Список литературы

1. **Битова Е. Г.** Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // *Respublica: альманах социально-политических и правовых исследований*. Нальчик, 2000. Вып. 1. С. 163-194.
2. **Блиев М. М.** О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // *История СССР*. 1991. № 6. С. 67-84.
3. **Боров А. Х.** Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. 299 с.
4. **Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в.**: сб. / сост.: Я. А. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисицына и др. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2005. 720 с.
5. **Кузьминов П. А.** Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII – первой половине XIX века // *Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века*. Нальчик: Эль-фа, 2004. С. 641-760.
6. **Малахова Г. Н.** Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 394 с.
7. **Малашенко А. В.** Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
8. **Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века:** сб. документальных материалов: в 2-х т. / сост. П. А. Кузьминов, Б. К. Мальбахов. М.: Поматур, 2005. Т. 1. 368 с.
9. **Погто В. А.** Кавказская война: в 5-ти т. / гл. ред. Н. М. Васильева. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 2. Ермоловское время. 687 с.
10. **Северный Кавказ в составе Российской империи** / редкол.: А. И. Миллер, А. В. Ремнев, А. Рибер. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
11. **Ткачев Г. А.** Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ: Электронпечатня тип. Терского Областного Правления, 1911. 158 с.
12. **Тойнби А. Дж.** Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. М.: Прогресс; Культура; СПб.: Ювента, 1995. 478 с.
13. **Цуциев А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2006. 128 с.
14. **Цуциев А., Дзугаев Л.** Северный Кавказ 1780-1995: история и границы. Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. 78 с.

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN MANAGEMENT SYSTEM IN INGUSHETIA AND TRANSFORMATIONS OF INGUSH TRADITIONAL SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Azhigova Aya Magomedovna
Ingush State University
tmt_77@list.ru

The article is devoted to the analysis of the changes of traditional society in Ingushetia in the period of the second half of the XIX century. The problem of the establishment of Russian management system in Ingushetia is closely examined. The introduction of military and public management in the region and its further reformation are thoroughly analyzed. The conclusion is made that the formation of management system in Ingushetia was in line with all-Russian political course subject to the local specificity.

Key words and phrases: Ingushetia; resettlement; districts; areas; the Cossacks; administration; military and public management.